

Андрей КуРЖОВ

ГЕОГРАФИЯ / ОДИНОЧНОГО ВЫСТРЕЛА

ТРИЛОГИЯ

Книга вторая

Харьков
«Фолио»
2013

Глава 1

Люди привыкли ценить и уважать себе подобных. Не в смысле — людей, а именно таких же людей, таких же умных, таких же сытых и образованных. Дальше, за пределами этой схожести оканчивается обычно и ценность человека в глазах другого, и уважение к нему. И так, под колючим солнцем или мягким снегом, продолжает герой ценить героя, и с доброй завистью читает он в утренней газете, как простой слесарь по дороге на завод вытаскивает из пожара трех детей и успевает даже вынести из горящего дома тумбочку и немного посуды, чтобы было из чего погорельцам кушать и куда эту посуду складывать. Читает герой и про солдата, вытащившего из проруби девочку, а потом еще разок нырнувшего и доставшего со дна водоема девочкины коньки, из-за страсти к которым она и провалилась под лед. И вот этот обмен героической газетной информацией, он и кровь героям будоражит, и ряды их пополняет огромным количеством людей, уже давно готовых совершить геройство. Теперь, пропитавшись этим духом, они и по улицам ходить будут, оглядываясь, осматриваясь в поисках знака беды, зова на помощь.

Эти люди, конечно, самый ценный человеческий материал страны. Пускай они иногда не образованы и даже порой доверчивы, как домашние животные. Но именно они напол-

няют народ духом и этот же дух держат высоко, на весу, как знамя или герб, за которым готовы отправиться победным маршем миллионы.

Но люди — это еще не вся страна, не весь народ. Народ, он состоит не только из разумного человеческого материала, подзабывшего инстинкты и повадки. Народ в своем трудовом смысле состоит и из помощников людей — из коров и лошадей, овец и собак, охраняющих не только домашний скот, но и порядок и законность на темных улочках спящего села. Собаки порой лучше любого милиционера или воспитателя колонии уберегут неуверенного начинающего преступника от роковой ошибки. Их лай — как строгое и последнее предупреждение.

Незаметные в городе труженики полей — кони — на себе подняли все наше сельское хозяйство. Да, есть трактора, тысячи железных машин с тяжелыми круглыми колесами. Бороздят они поля и на севере, и на юге страны. Но коней больше, и конь человеку ближе, чем машина. Конь как бы с трудовой душой. И судьбы у коней бывают и яркие, и трагические, и героические, особенно во время войны. А какая судьба у трактора? Сделали — работал. Ломался — чинили. Железка — она и есть железка. Сколько бы тракторист ни гладил бок своей машины, она ему в ответ не фыркнет дружелюбно. А конь или та же собака, они с человеком в давней связи состоят и без человека, как без регулярной еды, жить не могут. Животные и люди — одинаковые созидатели новой жизни, а порой и одинаковые герои! И каждый из них за свой поступок равной теплой благодарности заслуживает. Они вместе по нашей жизни идут и делят между собой трудности и победы. И не только, конечно, абсолютно домашние животные, такие, как коровы, кони и собаки. Есть животные

не менее героические, но более редких видов. И здесь уже само примыкание такого животного к нашей жизни — само по себе подвиг и геройство. Ведь речь идет не о цирке, а о сложной, порой жестокой действительности, ради улучшения которой и трудятся рядом с человеком различные представители животного мира.

Наступит время — и о них, об этих представителях животного мира, будет написана отдельная книга, как о пионерах-героях. И каждый подвиг, каждое геройство такого животного записано в ней будет отдельной главой. И будет наверняка в этой книге одна большая глава, посвященная попугаю Кузьме, у которого из отдельных прошлых и будущих подвигов сложится яркая героическая биография. Есть у нас в богатом русском языке одно слово, которое сразу поднимает такую биографию на невидимый пьедестал, так, что сразу все смотрят вверх. И это слово — СУДЬБА. Есть в нем и огонь, вырывающийся из доменной печи, и движение скоростного товарного поезда по далекой сибирской магистрали, и марш рабочих, легко несущих на своих плечах тяжелые отбойные молотки. Есть в этом слове и смелость полета. И слово это уравнивает между собой всех достойных — и людей, и животных.

Глава 2

С утра дул сильный ветер, и Добрынин по дороге на аэродром сомневался, что ему удастся в этот день вылететь из Москвы.

— Что же это вам отпуск не дали? — удивлялся сидевший рядом Виктор Степанович. — Нехорошо это... при такой ответственной работе...

Добрынин пожал плечами. Уставшим он себя не чувствовал. Спать действительно хотелось: служебная жена, Мария Игнатьевна, не дала ему заснуть, всю ночь обнимала его, целовала...

Выехали за город. По одну сторону дороги тянулся серый забор, за ним высились корпуса какого-то завода.

Подъехали к одноэтажному полосатому домику с ветроопределителем и антеннами на крыше.

На аэродроме было тихо.

Добрынин сразу узнал «свой» бомбардировщик.

Знакомый летчик поднялся из-за стола, радостно улыбаясь.

— Доброе утро! — сказал он, протягивая руку. — Что, назад полетим?

Добрынин кивнул.

При виде этого жизнерадостного военного пилота настроение сразу поднялось, спать расхотелось, захотелось бодрствовать в полную силу.

— Чайку? — предложил пилот.

— Ага! — ответил Добрынин, присаживаясь за стол.

— Ну я, Пал Алексаныч, поеду тогда... — стоя в дверях, заговорил Виктор Степанович. — Дел много. До встречи, в общем!

Добрынин заглянул в свою котомку, и какая-то мысль шевельнулась в его памяти, словно звоночек зазвенел, напоминая о чем-то забытом.

Народный контролер задумался.

Эх, был бы он сейчас там, внизу, в Кремле, где стоит странный стул и механика, помогающая вспомнить даже то, что не было известно!

От досады ударил себя по лбу ладонью, и тут же этот звоночек прозвенел громче, и вспомнил народный конт-

ролер, что обещал он привезти командиру Иващукину что-нибудь к чаю.

Вспомнил и огорчился, так как ничего не купил и даже ни разу в магазин не зашел.

За окном домика остановилась черная легковая машина.

«Виктор Степанович вернулся?» — бросив внимательный взгляд, подумал Добрынин.

Дверь открылась.

— Ну, успел, слава Богу! — раздался знакомый голос.

Добрынин поднял голову и увидел широко улыбающегося Волчанова.

Старший лейтенант подошел к столу. Присел на свободный стул, как раз между народным контролером и пилотом. Сам налил себе чаю из чайника, положив свой портфель на колени.

— Как здоровье? — поинтересовался Добрынин.

— Да уже лучше, — кивнул Волчанов. — Прошлую ночь даже спал спокойно. Да, хорошо, что вспомнил! — сказал он и полез в свой портфель. — Это для тебя, в дорогу...

И на столе перед Добрыниным появились три пачки печенья «Октябрь» и бумажный сверток.

— Это бутерброды, — объяснил, показывая на сверток взглядом, старший лейтенант. — Лететь-то, наверно, долго будешь... А и вот еще, от товарища Тверина тебе!

Народный контролер взял из рук Волчанова книгу «Детям о Ленине». Второй том. Раскрыл. На форзаце увидел надпись: «Дорогому товарищу Добрынину от товарища Тверина».

На душе стало тепло и тихо.

— Я тоже здесь книг накупил! — вступил вдруг в разговор летчик и показал жестом в угол комнатки, где лежали три большие, перетянутые бечевкой, пачки книг.